

...ПРОЛОГ...

Семь поколений* назад чудовищной силы магический взрыв свел вместе две параллельные Вселенные, и мир светлой магии Тевет узнал о существовании Абриса, живущего по законам темного рунического колдовства. Так началась эпоха *после Схождения*. Эпоха ненависти и запретов, неумения находить общий язык и нежелания жить под одним небом.

Семь месяцев назад случился новый взрыв, и Вселенные разошлись. Но Тевет, долгие годы мечтавший избавиться от опасного соседа, оказался не готов к стремительным, неизбежным и подчас пугающим переменам. Ослабевало действие рун, рождались дети без признаков светлого дара, на глазах менялись ценности. С легкой руки газетных листов новое время назвали эпохой *Расхождения*, и пока никто до конца не понимал, какие трудности ждали Тевет.

Наверное, я была ужасным человеком, раз могла без угрызений совести жить с осознанием, что заставила меняться целые миры.

И еще.

Я не мечтала, не верила, а знала точно, что скоро открою двери в Абрис и вернусь к тому, с кем осталось мое сердце.

* Одно поколение — 20–25 лет (прим. авт.).

... ГЛАВА 1 ...

Незнакомец за невидимой стеной

Прошлой осенью мои руки изрезали рунами Абриса, и прямо сейчас шрамы горели как проклятые. Под столом, чтобы, не дай светлые духи, не заметили девчонки, я отодвинула длинный рукав жакета и проверила запястье, куда дотягивался тонкий шрам от одного из символов. Он светился, и казалось, будто под кожу продели алую нить. Такое случалось частенько, но... Чего ж именно сегодня, когда сводная сестра Полина притащила меня знакомиться со своими подружками в пафосную ресторацию на набережной Венты?!

— Ничего себе! — охнула Поля, и меня как магическим разрядомшибануло.

В Тевете считалось, что даже одна абрисская руна, выжженная на теле, оскверняла чистый светлый дар, у меня их имелся почти десяток.

Первую руну, «знание», нанесли на ладонь, когда год назад украли в Абрис на дикую вечеринку темных паладинов. Символ скрыть не выходило. После многих перемещений через границу миров тонкий шрам превратился в розоватый неровный рубец и был слишком заметен. Об остальных темных знаках знали только отец и тетушка Матильда. По большому счету я плевать хотела на мнение окружающих, но когда руны светились красным цветом абрисской магии, то даже глупец был способен догадаться, что с моим даром Истинного света происходило нечто неправильное... Неправильное настолько, что я умела пробуждать темные руны. Таких магов в Абрисе называли «двуликими» и уничтожали. Никакого права на помилование.

Быстро одернув рукав, я приготовилась соврать что-нибудь изящное, но тут сестра с восторгом добавила:

— Смотрите, он здесь! Григорий Покровский!

Мм?

— Светлые духи, вблизи он выглядит еще лучше! — с восторгом зашептались подружки. — Даже лучше принца Эдварда!

Оказалось, что в девчонках вызвал приступ экзальтации высокий худощавый шатен по виду около тридцати лет. На мой взгляд, мужчина как мужчина. Не лучше и не хуже других. Может, конечно, в нем имелись скрытые достоинства, с первого взгляда неразличимые, но до принца Тевета ему точно было как на хромой собаке до луны.

— Какой же красавчик... — мечтательно вздохнула Олеся, подруга детства Полины. — Даже не верится, что приехал из провинции всего год назад.

Тут-то у «красавчика» открылся первый талант: острый слух. Он различил хихиканье и оглянулся. При виде пяти барышень возраста выпускниц Института благородных девиц беднягу нешуточно скривило. Судя по всему, за год, проведенный в Городе кленов, у господина Покровского выработалась стойкая непереносимость напористых столичных невест.

Чтобы сдержать издевательский смешок, я прикусила изнутри щеку и отвернулась к окну. На улице затухал неспешный летний день. Блестели в лучах заходящего солнца спокойные воды Венты. В бледнеющем небе плыли розоватые перистые облака. Меньше года назад над Теветом парил призрачный город, но после Расхождения вселенных Абрис растаял без следа. Когда-то я мечтала по ночам наблюдать за звездами, но теперь многое отдала бы, чтобы снова увидеть очертания параллельного мира.

— Поля, как он на тебя посмотрел! Даже у меня сердце екнуло! — горячо зашептала Олеся, захлебываясь от радости, словно лично удостоилась заинтересованного взгляда мужчины.

— Он точно тебя заметил, — без должного энтузиазма поддакнули две другие подружки, поразительно похожие

внешне. Я начисто забыла их имена уже через три секунды после знакомства и мысленно окрестила «двойняшками».

— Да бросьте, — кокетливо отозвалась Полина. — Он разглядывал Валерию.

За столом воцарилось выжидательное молчание. В мою сторону уставились четыре пары глаз, одинаково подведенные черными стрелочками.

— Что? — не поняла я.

— Он смотрел на тебя? — подсказала Олеся.

Видимо, мне следовало убедить сестру, а заодно и новых приятельниц, что ни один приличный мужчина, особенно Григорий Покровский, кем бы он ни являлся, никогда не обратит внимания на затворницу с рубцом темной руны во всю ладонь. Девушки просто не догадывались, что я никогда не страдала ни комплексом неполноценности, ни желанием подпитывать чужое эго.

— Кто вообще этот парень?

— Ты точно артефакторша? — фыркнула Олеся. — Как ты его можешь не знать?

— А ты секретарша в конторе судебных заступников, — парировала я. — Ты знаешь фамилию столичного мирового судьи?

— Я секретарь! — ощетибилась та. — И судью зовут... господин... господин...

— Железнов, — подсказала я. — К слову, специальности «артефакторша» не существует.

— Девочки, не ссорьтесь, — вклинилась Полина. — Валерия просто вернулась в столицу совсем недавно и еще не в курсе последних новостей. Я тебе все расскажу, сестричка. Григорий Покровский — личный артефактор королевской семьи. Абсолютно свободен, никаких жен и невест, даже постоянной подружки нет. Годовой доход три тысячи сто пять золотых и сорок два пенса. Матушка живет в провинции на другом конце Тевета. В этом году его признали самым завидным женихом столицы.

— Идеальная партия, — выдохнула одна из «двойняшек».

— Вы подкупили его счетовода? — уколола я.

— Светлые духи! Нет, конечно. Наняли частного сыщика, — поделилась Полина. — Только, чур, маме не говори! Она мне голову снесет, если узнает, что я сняла деньги с нашего счета в монетном дворе.

— Когда ты выйдешь за него замуж, то все расходы окупятся, — передернула плечами Олеся и демонстративно пригубила давно опустевшую чашечку.

Чай девчонки заказали в складчину, но самый дорогой. Цедили весь вечер и уже три раза просили подлить кипятку, размыв заварку до состояния подкрашенной водицы. Лично я чувствовала себя неловко перед порядком раздраженным подавальщиком и мысленно пообещала оставить ему немного монет на порошки от нервного тика.

— Сестричка, успокой меня, — протянула Полина, — скажи, что твой отец не такой скряга, как моя маман.

— Ну...

В прошлом году я попросила у родителя золотые на штраф за скольжение в Абрис, закономерно получила отказ и была вынуждена устроиться на полставки стажером в университетскую библиотеку.

— Честно говоря, мне всегда платили стипендию.

— Тебе хватало?

— Вполне.

Походами по модным лавкам я не увлекалась, а от цен в дорогих ресторациях даже без еды получала несварение. Всю жизнь моим единственным увлечением являлась артефакторика, но посещения библиотеки или учебной лаборатории больших материальных затрат никогда не требовали.

— Так и знала, что он скряга, — понимающе вздохнула Полина. — Как бы они еще сошлись с моей матушкой? Она думает, что я слишком много трачу на туфли.

— Разве можно в столице сделать нормальную партию, если носишь туфли не от Колина. — Обе «двойняшки» выглядели возмущенными.

— Верно, — усмехнулась я, постеснявшись уточнить, кто такой этот самый Колин.

Они принялись обсуждать обувь, а мое внимание привлек вид за окном. Погода взбесилась. Только-только небо было светлым и чистым, но вдруг на улице начало стремительно смеркаться, сгустились свинцовые тучи. Стекло усеяли мелкие дождевые капли, и без продыху на землю обрушился яростный ливень. Набережная Венты скрылась за белесой пеленой.

— Как теперь добраться домой? — не осознавая, что говорю вслух, пробормотала я.

— Можно попытаться поймать кеб, — с иронией под сказала одна из девочек.

— В такой дождь экипаж смоеет вместе с возницей.

— Какой дождь? — не поняли подружки.

— В смысле?

Я глянула в обеденный зал и оторопела. За моим окном бушевала непогода, бесилась свирепая стихия. Казалось, что город будет смыт! Но ресторацию по-прежнему окрашивали лучи заходящего солнца. Звенели столовые приборы, народ мирно ужинал, вел тихие беседы и не обращал внимания на странности природы.

Какого дьявола?!

Неужели «Сердце Абриса», артефакт для перемещения в параллельный мир, над которым я втайне трудилась долгие месяцы, пробудился? Значит, дождь хлестал вовсе не в Тевете, а в Абрисе!

Я поспешно сдернула со стула матерчатую сумку и принялась копаться в ней, пытаясь отыскать артефакт в кожаном чехле.

— Валерия, ты в порядке? — уточнила Полина.

Приходя в чувство, я замерла и обвела примолкнувших девочек осторожным взглядом. Они тарачились на меня как на припадочную.

— Знаете, я тут вспомнила про одно важное дело... — выдержав паузу, объявила я и поднялась, неловко толкнув стол. Посуда истерично зазвенела, а у Олеси с блюдца соскользнула чайная ложка.

— Ладно, — сводная сестра кивнула. — Встретимся в храме?

— Да, — растерянно пробормотала я, крепко сжимая сумку. В последний день седмицы у наших родителей должен был пройти обряд венчания. К церемонии будущая мачеха заказала мне розовое платье с открытыми плечами и совершенно отвратительные туфли на высоченных каблуках. Скорее всего от приснопамятного Колина.

Стоило отойти на пару шагов, как девчонки зашептались, перебивая друг друга:

— Вы видели руну у нее на ладони? Какая гадость...

— А глаза? До сих пор мурашки бегут.

— Поли, она точно артефакторша? Спорим, что врет? — фыркнула Олеся.

Выбравшись из обеденного зала, я нырнула в дамскую комнату. Дождалась, когда помещение опустеет, и вытащила из сумки артефакт. Если он и пробуждался, то уже погас. «Сердце Абриса» выглядело как обычный карманный хронометр без крышки и циферблата, но в корпусе прятался особенный механизм из специально выплавленного металла. Вместо цифр была нанесена тонкая руническая вязь, дикая смесь между темными и светлыми рунами. Вчера я попыталась связать символы на циферблате с теми, что были вырезаны у меня на руках. Видимо, по этой причине я оказалась единственной во всей ресторации, кто увидел раскол в пространстве. Когда в туалете открылась дверь и впустила двух дам, то я быстро спрятала артефакт в карман и прошмыгнула в холл.

Натягивая на ходу заплечную сумку, направилась к высоким дверям. Швейцар услужливо открыл тяжелую створку и попрощался. Я вышла под козырек ресторации и остолбенела. Тихая набережная Венты, утопающая в заткнутых лучах, снова исчезла. Улица была незнакома. Сильный и злой ливень нещадно хлестал по брусчатке, выбивая в огромных лужах пузыри. По краям пешеходной мостовой к решеткам водостоков бежали мощные, стремительные потоки. Навстречу яростному дождю ехали экипажи и во влажной дымке расплывались зажженные огни на их крышах. Однако была странность: в воздухе совершенно

не ощущалось дождевой свежести. Параллельный мир был отделен прозрачной стеной.

Опомнившись, я полезла в сумку за артефактом, но за спиной вдруг раздался незнакомый мужской голос:

— Скорее всего в Абрисе сейчас ливень.

— Простите? — опешила я и оглянулась через плечо.

За моей спиной стоял «самый завидный жених столицы». Он достал из внутреннего кармана светлого пиджака серебряный портсигар, но не торопился открывать.

— Теория искажения, — подсказал он. — Если в Тевете солнце, то в Абрисе идет дождь.

— Какая редкостная недоказуемая чушь, — пробормотала я и кивнула на портсигар: — Не стесняйтесь.

— Неловко курить при девушке, которая отвернулась к окну, чтобы надо мной посмеяться. Что такого забавного сказали ваши подружки? — Он все же достал тонкую коричневую сигариллу, помял в руках, а потом спрятал обратно, так и не прикурив.

— Назвали вас самым завидным женихом столицы.

От широкой улыбки на гладком лице королевского артефактора заиграли привлекательные ямочки.

— Напрасно смеетесь, — кивнула я, и мужчина вопросительно заломил бровь. — Вы должны быть крайне осторожны. Девушки настроены решительно и уже знают ваш годовой доход.

— Они подкупили моего счетовода? — поперхнулся изумленный жених.

— Наняли частного сыщика, — развеселилась я.

— Вы шутите?

— Отнюдь.

Некоторое время мы стояли в молчании. До нервной почесухи хотелось прикоснуться к границе хотя бы кончиком пальца, но самый завидный жених столицы, имя которого начисто выветрилось из головы, никуда не торопился. Ресторация словно превратилась в крошечный островок посреди бескрайнего океана. Было и страшно, и любопытно вступить под абрисский дождь, и пока я следила за буйством летней грозы, мужчина изучал меня.

— Что-то хотели сказать? — не удержалась я.

— Сегодня очень красивый закат.

Раскол закрылся неожиданно: по воздуху пробежала волна, словно смывшая изображение дождливого города. Появилась тихая набережная с горожанами, совершающими променады. Деревянный пирс и спокойная Вента с блестящей на солнце водой.

— Верно, — задумчиво отозвалась я, вдруг осознав, какое нечеловеческое напряжение испытывала от того, как близко — трусиха! — подобралась к Абрису. — Погода сегодня исключительная. Мне пора.

Хотелось немедленно уйти, не задерживаясь ни на секунду, чтобы спокойно проверить артефакт.

— Валерия, постойте! — позвал мужчина, заставив меня с удивлением оглянуться.

— Вы знаете мое имя?

— Понимаю, что было глупо притворяться, будто я не догадываюсь, кто вы такая.

— Весьма, — согласилась я. — Не помню, чтобы нас представляли.

— Мы прежде никогда не встречались, — признался он и вытащил золотую визитницу. — Меня зовут Григорий Покровский. Я король...

— Вашу должность мне назвали вместе с годовым доходом, — перебила я, принимая глянцевую карточку с выданным в уголке гербом Королевской артефакторной лаборатории. — И что именно королевский артефактор хотел от адепки четвертого курса, последний год просидевшей в академическом отпуске?

— Я хотел поздравить вас с получением лицензии.

— Грамоту мне выдали еще зимой, — заметила я.

— Все так, но я писал вам. Все мои послания остались без ответа.

Некоторое время назад из Кромвеля, куда по-прежнему приходила корреспонденция, были переданы пачки писем. В нашем доме переписку в основном вел папа, университетский профессор истории, и я даже не прикоснулась к тем перевязанным бечевкой стопкам.

— Извините, — без сожаления пожала я плечами. — В свое оправдание позвольте сказать, что четверокурсники, получившие рабочие лицензии, бывают ужасно занятыми.

Разрешение от принцессы Теветской привезла в отцовский особняк ее личная помощница. Отдала со словами, что глупо сдерживать уникальный талант какими-то формальностями, и вместе с документами вручила первый заказ. Я не стала задавать неудобных вопросов, но про себя решила, что королевская семья не смогла договориться о цене с Кромвельским университетом, на время учебы владеющим любыми моими артефактами, и обошла правила. Другими словами, Григорий Покровский должен был тихо ненавидеть выскочку, ведь известная своим капризным нравом принцесса отдала предпочтение девчонке, даже не окончившей университет.

— А теперь позвольте попрощаться, господин Покровский, — едва заметно поклонилась я, отдав дань этикету. — И помните, что летом начинается сезон отлова завидных женихов столицы. Вы в группе риска.

Но он не позволил мне даже шагу ступить.

— Я представлял вас совершенно другой, Валерия.

— Мужчиной? — не удержалась я от шпильки.

Он рассмеялся:

— Не мужчиной... Артефакты Лерой Уваровой завораживают своей филигранностью. Ваша магия неповторима. Каждый раз, когда я смотрю на часы ее высочества, мне хочется разобрать их на винтики и узнать, какие руны вы использовали.

— Это называется промышленным шпионажем, — пошутила я.

— Я восхищаюсь вашим талантом. — Он поймал мой взгляд.

— Пытаетесь мне польстить, господин Покровский?

— Пытаетесь кокетничать, Валерия? — парировал он. — Вы прекрасно знаете себе цену. Так ведь? Просто я не подозревал, что вы настолько...

— Юна?

— Красивы.

Всегда считала, что после Кайдена Николаса Вудса мужчины были просто не способны лишить меня дара речи, но у Григория Покровского получилось. Я вдруг осознала, что не только не могу придумать ни одного колкого, ироничного ответа, но и начинаю заливаться краской.

— Кажется, я вас смутил, — улыбнулся он.

— Да, — прямо ответила я. — И на этой странной ноте разрешите мне откланяться.

— Подвезти вас?

— И раскрыть вам, где я живу, страшный человек? — построила я фальшиво-испуганный вид. — Разве вы не слышали, что красивым девушкам нельзя садиться в кареты к плохо знакомым мужчинам? Удачи, господин Покровский.

Мужчина стоял в расслабленной позе. Руки были небрежно спрятаны в карманы брюк, на лице светилась обязательная улыбка, смеялись теплые серые глаза.

— До встречи, Валерия.

— До встречи? — изогнула я брови.

— Вы ведь должны меня смутить в ответ. Разве флирт не так работает?

Неожиданно у меня заныло сердце. Мы с Кайденом долго вели эту слишком взрослую и раздражающую девятнадцатилетнюю девчонку игру: кидались вопросами, но не давали на них ответов. Десятки повисших в воздухе, никому не нужных вопросов.

Потому что именно так работал флирт.

Кайден наступил на меня. Я прижималась спиной к паркетному полу и не смела пошевелиться. Острие магического меча было направлено на истерично бьющуюся жилку на шее.

— Умоляю, не надо... — прошептала я, хотя знала, что двулика не способна пробудить жалость или сострадание в темном паладине.